

О том, что нынче происходит в театральной провинции, мы знаем мало или ничего не знаем. И нас это уже почти не волнует: ну делают там что-то — и пусть себе. Получается, сами не заметили, как поделили культуру на столичную и периферийную, будучи уверены в том, что все более или менее интересные художественные явления "прописаны" в Москве и Петербурге. Так ли это?

Вдали от центра люди искусства живут скромно, но с достоинством. У них нет богатых спонсоров, чтобы транслировать по центральному телевидению "капустники", где актеры в основном органично выпивают и закусывают — хоть и в честь 100-летия МХАТа имени Чехова.

Третий раз в пограничном с Украиной Белгороде/прошел один из самых популярных среди провинциальных артистов фестивалей: "Актеры России — М.С. Щепкину". В этом году исполнилось 210 лет со дня рождения великого русского артиста. С именем этого человека, родившегося в селе Красном близ Белгорода, связана, как известно, целая эпоха в истории отечественного театра, его талант привлекал к себе Гюго, Гоголя, Белинского, Шевченко. До того, как Щепкин в 1824 году поступил на императорскую сцену Малого театра, он 18 лет верой и правдой служил зрителям русской "глубинки". Эта традиция сохранилась и поныне — именно из провинции пришли такие большие артисты нашей современности, как Евгений Евстигнеев, Иннокентий Смоктуновский, Евгений Самойлов, Армен Джигарханян, Алексей Петренко и другие. Вот вам и разделение театральной культуры по географическому принципу...

Сегодня сложные экономические обстоятельства отделили провинциальный театр от центра, но не от своей небогатой публики. И как бы ни было трудно сводить концы с концами, цены на билеты не повышают — от 5 до 30 рублей. Впрочем, работники театра не смогли бы долго продержаться на голом альтруизме, если бы местные власти не понимали, что за искусством в Москву не наедешься. Правительство Белгородской области вовремя уделило повышенное внимание своему театру. Открытый 63 года назад, он мог бы оказаться в числе нерентабельных "предприятий" и закрыться, если бы рачительные хозяева не подумали о будущем своих детей и внуков. В первый день фестиваля один из руководителей города сказал: "Это наше время, мы в нем живем и ни от чего отказываться не собираемся, в том числе от своих театров". Называйте это как хотите: местным патриотизмом или еще как, но собрать 800 тысяч рублей в момент кризиса и провести у себя в городе смотр театральных коллективов — разве это не подвиг? Правда, гонимых не было, но гостей из Москвы позвали: Театр имени Гоголя с "Бесприданницей" А. Островского и Театр Армии с двумя спектаклями: "На дне" М. Горького и "Сердце не камень" А. Островского.

По ходу фестиваля я заметила одну наглядную особенность провинциальных зрителей. Они воспринимают артиста на сцене как близкого собеседника и полностью доверяются ему, если тот искренен, ограничен. Впрочем, когда Дж. Стреллер привозил в Москву знаменитый спектакль "Великая магия" и его

Сцена из спектакля Белгородского театра "Прощальная гастроль князя К."

И ЩЕПКИН ИХ БЛАГОСЛОВИЛ

спросили, что он больше всего ценит в театре, мэтр, не задумываясь, ответил: "Искренность". Именно искренность, идущая из глубины души пусть и не очень искусственного лицедея, стоит дороже мастеровитости признанного артиста. Так в спектакле главного режиссера Белгородского театра Анатолия Морозова "Прощальная гастроль Князя К" по повести Федора Достоевского "Дядюшкин сон" дуэт старого князя, по манерам напоминающего князя Мышкина, и молоденькой девушки Зины, убедившей себя, что она может составить партию потерявшемуся в жизни идеалисту, звучит как прекрасный романс так и не состоявшейся большой любви. Конечно, Анатолий Морозов, поменявший Петербург на Белгород, мог придумать сколько угодно постановочных трюков, чтобы "прикрыть" ими неопытность юной актрисы Людмилы Шмелевой или "подать" более крупным планом сильного в своем мастерстве Николая Черныша, но, как видно

за другим уходили из жизни ведущие мастера сцены, не выдерживая чудовищных эмоциональных нагрузок. Теперь, говорят, там все успокоилось с приходом нового главного режиссера Владимира Боголепова. Со страхом я шла на спектакль "На всякого мудреца довольно простоты" в прошлом легендарного коллектива, где несколько десятилетий властвовал "второй Михаил Царев" — Фирс Шишигин, воспитавший не одно поколение замечательных артистов. И — о чудо! Оказалось, что недавно лежавший в руинах театр ожил и даже возродился. Объяснить этот феномен можно только тем, что в недрах разобщенной труппы у нескольких мастеров еще сохранился прежний дух священных действия на сцене. И когда момент творчества возобладал над войной амбиций, произошел переворот и в сознании остальных артистов. Никто из театралов-белгородцев не мог предположить, что на академиче-

ска мастеров из Минского русского драматического театра имени М. Горького в новой пьесе Алексея Дударева "В сумерках": Ростислава Янковского и Олега Корчикова. Два старых солдата, прошедшие через всю войну и награжденные множеством орденов, в конце жизни оказались в Доме ветеранов войны, но и отсюда их вместе с остальными выселяют, потому что здание купила иностранная фирма...

Так случилось, что война коснулась и самих двух этих исполнителей. И вот теперь они в своей горькой исповеди, от себя и своих героев, говорят сидящим в зале: "...Мы всю жизнь строили Дом. И построили... А он вдруг оказался... даже не из песка, а так... Призрак... Мираж." Нет, они "не бьют" на сострадание и жалость, не вызывают к "сильной руке", а только спрашивают, почему лозунг "Никто не забыт и ничто не забыто" сегодня так круто сменился на другой: "Каждый выживает в одиночку"?

Зрительный зал стоя приветствовал артистов театра из Минска, приветствовал как героев. Уж слишком многое сошлось в этом "немодном" спектакле: великая правда жизни и суровая правда русских характеров. Добавило пронзительности спектаклю и то, что в нескольких километрах от Белгорода находится легендарная Прохоровка, где во время войны в невиданном сражении погибли тысячи солдат, отстаивая нашу с вами свободу. Только почему-то эта свобода сегодня отдает горечью. Именно поэтому театр не имеет морального права оставлять своего зрителя наедине с грустными мыслями у последней черты выживания.

Думаю, не случайно на Белгородском фестивале в основном была представлена классика, и не было ни одного спектакля, связанного с опостылевшей "чернухой". Таким способом художники тоже выражали протест "окаянным дням" и через классику возвращали зрителей к истинным ценностям.

Вот так и живут сегодня провинциальные трагики и комики, наследуя в меру сил традиции своих великих предков. В последний день фестиваля прошло радостное известие из Москвы о присвоении Белгородскому театру имени М.С. Щепкина звания академического.

Любовь ЛЕБЕДИНА.

В наши дни провинциальный театр отделился от центра, но не от своей публики

из спектакля, режиссеру интереснее было "раствориться" в актерских индивидуальностях и выявить сложнейшие повороты внутренней жизни героев.

Наверное, непросто было театру выпускать столь сложный спектакль — одни костюмы чего стоили. Но нет ничего такого, что не мог бы сделать многоопытный, но всегда увлеченный директор Виктор Иванович Слободчук. И все-таки при том, что сегодня в искусстве очень многое решают деньги и люди, которые умеют эти деньги доставать (то есть директора), — нельзя сбрасывать со счетов творческую атмосферу внутри коллектива... Каким-то года два назад в первый русский театр имени Федора Волкова в Ярославле нельзя было войти без внутреннего тревожного напряжения. Здесь постоянно были "разборки" между художественным руководителем и артистами, писались жалобы в высшие инстанции и суды. И как следствие этих грязных склок, один

сцене можно будет увидеть "раешного" Островского — того самого, который любил в молодости озорничать и эпатировать своими выходками родное купечество. Следуя за автором, режиссер Александр Кузин сделал карьериста Глушкова "героем нашего времени". Приспосабливаясь и меняя свои личности на ходу, он не испытывает при этом ни угрызенной совести, ни стыда, как и многие персонажи нашего политического театра.

Благодаря этому спектаклю мы убедились, что в старых театрах традиция преемственности исполнительского мастерства по-прежнему жива. А ведь эта традиция повелась со времен Щепкина, когда к мастеру креплялись ученики и тот ходил за ним по пятам, копировал его во всем, подражал ему, и уж только потом выходил на собственную дорогу. Бывают, правда, исключения в актерском деле, когда ничего не скопировать, ни повторить нельзя — это если артист играет свою собственную судьбу. На белгородском фестивале мы увидели двух таких